

Суслов Андрей Борисович, Шилова Ирина Сергеевна

САБОТАЖНИК СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАК "ВРАГ НАРОДА"

В статье рассматривается использование во второй половине 1930-х гг. образа дезорганизатора стахановского движения в ряду прочих образов "врагов советского народа". Анализируются причины неприятия этого трудового почина частью интеллигенции и рабочих. Раскрывается организация репрессий против реальных критиков стахановского движения и в отношении мифических врагов. Доказывается, что образ вымышленного саботажника стахановского движения становился необходимой частью транслируемой обществу мировоззренческой картины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 184-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Резолюции II-го Всесоюзного совещания рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров при «Правде» и «Рабочем корреспонденте». Тула, 1925.
6. Скребнев В. А. Методы формирования рабселькорского движения // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 7. С. 133-134.
7. Слезин А. А. Рабселькорское движение: неизвестная грань // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2002. Т. 8. № 3. С. 544-548.

WORKER AND PEASANT CORRESPONDENTS' MOVEMENT IN TAMBOV PROVINCE: SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTIC

Skrebnev Vladimir Aleksandrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
vofka-s@yandex.ru

The article analyses the main groups of worker and peasant correspondents' movement in Tambov province in the 1920s. On the basis of archival materials the author characterizes the social, party, sex and age structure of the movement participants, and concludes that the social structure of worker and peasant correspondents' movement was generally equal to its social base.

Key words and phrases: party-soviet press; worker and peasant correspondents' movement; social structure; congress; Tambov province.

УДК 94(47).082.1

Исторические науки и археология

В статье рассматривается использование во второй половине 1930-х гг. образа дезорганизатора стахановского движения в ряду прочих образов «врагов советского народа». Анализируются причины неприятия этого трудового почина частью интеллигенции и рабочих. Раскрывается организация репрессий против реальных критиков стахановского движения и в отношении мифических врагов. Доказывается, что образ вымышленного саботажника стахановского движения становился необходимой частью транслируемой обществу мировоззренческой картины.

Ключевые слова и фразы: стахановское движение; образ врага; сталинизм; индустриализация; рабочие; техническая интеллигенция; репрессии.

Суслов Андрей Борисович, д.и.н., доцент
Шилова Ирина Сергеевна
Пермский государственный педагогический университет
absuslov@gmail.com; shilkoprad@yandex.ru

САБОТАЖНИК СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАК «ВРАГ НАРОДА»©

Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, проект 006-П «Историческая память жителей Пермского края о советском прошлом», номер темы 2.1.2.

Формирование образа врага – неотъемлемая черта тоталитарного режима. Образ врага – не абсолютная абстракция. В зависимости от ситуации он приобретает вполне определенные очертания. В Советском Союзе враг мог предстать в облике буржуа, белогвардейца, кулака, шпиона и т.д. Во второй половине 1930-х гг. «враг» достаточно часто стал появляться в личине дезорганизатора стахановского движения.

Воспроизводство такого образа врага советскими идеологами и номенклатурными функционерами неслучайно. Во многом это связано с тем, что реальных противников стахановского движения оказалось довольно много. Правда, руководствовались они не мифическим желанием навредить советскому народу, а, напротив, заботой об интересах народа или о своих личных интересах. Интересы эти столкнулись с интересами политической элиты.

Идеологи большого индустриального скачка, безусловно, понимали, что в условиях чрезвычайной ограниченности ресурсов помимо администрирования и репрессий необходимо делать ставку на массовый энтузиазм. И весьма преуспели в этом. Вера значительной части советских людей в то, что они строят новую страну и счастливое будущее, их самоотверженный труд, до сих пор впечатляют потомков.

Организация стахановского движения стала удачной находкой для поощрения энтузиазма части рабочих. Проповедники коммунистического будущего возлагали на стахановское движение большие надежды, называя его революционным, поскольку оно «ломает старые взгляды на техминимумы, планы, требует новых мощностей и планов» [7, с. 6].

Но очень быстро обнаружилась вполне реальная и достаточно массовая оппозиция всемерно официально поощряемому трудовому почину, в основном представленная двумя социальными группами – частью рабочих и технической интеллигенции тех предприятий, где разворачивалось стахановское движение, приобретавшее всё больший и больший размах.

Мотивы сопротивления стахановскому движению названных групп различались. Для многих рабочих неприятие внедрения «стахановских» методов было связано в первую очередь с вполне обоснованными опасениями последующего повышения норм выработки, снижения расценок и повышения интенсификации труда. Так, начальник секретно-политического отдела Пермского сектора НКВД Л. Г. Лосос, делая обзор «антисоветских проявлений и антисоветских настроений», связанных со стахановским движением, приводит слова рабочего Пермского моторостроительного завода Дектерева: «Стахановское движение приведет к понижению расценок и увеличению нормы выработки, а потому нам незачем торопиться работать». В этот обзор вошло также высказывание рабочего граверного цеха Гоштампсвязи М. Шульмана, открыто заявившего на собрании 20 сентября 1935 г.: «Все это лавочка; просто с нашего брата, рабочих, Советская власть хочет содрать семь шкур. Сначала хотят дать подачку в отношении большого заработка, а потом рабочих прижмут, урежут расценки и повысят норму выработки» [4, д. 1168, л. 540-541].

Иногда рабочие, недовольные тем, что трудовые рекорды соседей отразятся на их благополучии, пытались разобраться со стахановцами по-пролетарски: с помощью угроз и рукоприкладства. Так, двое рабочих-комсомольцев завода им. Шпагина пригрозили стахановцу Ф. Козину: «Больше тормозные цилиндры к паровозу «ЕУ» не смей собирать, а если еще будешь брать сверх нормы работу, так мы тебя побьем». Впоследствии угрожавшие побили стахановца [Там же, л. 543-544].

Историк Ю. А. Стецура отмечает, что сотрудники НКВД в середине 1930-х гг. регулярно докладывали в партийные органы о «контрреволюционных антистахановских проявлениях» и о привлечении к уголовной ответственности юношей и девушек за отказ участвовать в стахановском движении и его критике [9, с. 99-100].

О том, как в комсомольской среде происходило выявление «врагов народа», с каким энтузиазмом молодые люди разоблачали «врагов», довольно ярко описано в статье А. А. Слезина [8].

Любопытно наблюдение историка В. Е. Мартианова, заметившего, что порой смена статуса стахановца на статус вредителя происходила в мгновенья ока [2, с. 43]. В периодической печати появлялись статьи, где арестованный именовался стахановцем, поскольку до ареста считался лучшим работником производственного участка.

Недовольство стахановским движением инженеров, мастеров, организаторов производства обусловливалось в первую очередь пониманием рисков, которые несут нарушения технологии, пренебрежение правилами техники безопасности, диспропорции в организации труда и т.п. Стахановское движение не было принято значительной частью интеллигенции, поскольку они понимали, что повышение норм производительности труда достигалось, в частности, нарушением технологических норм и правил техники безопасности, а также обеспечением всем необходимым по первому требованию именно стахановцев, что нарушало нормальный ход производственных процессов. Так, диспетчер Пермского эксплуатационного отделения П. И. Масленников в беседе со студентами железнодорожного техникума посетовал: «Наши стахановцы только бьют паровозы, ломают шейки осей и т.д.» [4, д. 1168, л. 543].

Однако именно технической интеллигенции была уготована роль «козла отпущения» за серьезные просчеты и издержки в экономической и социальной политике. Именно на «спецов» власть возложила ответственность за провалы политики форсированной индустриализации, директивного планирования и т.д. Политическое руководство, в отличие от технической интеллигенции, видело причины производственных трудностей не в самом движении, а в противодействии ему со стороны управленческих кадров. В результате многих специалистов безосновательно обвинили в саботаже стахановского движения, во враждебной народу деятельности и отстранили от должностей.

В 1935-1936 гг. повсеместно были организованы процессы саботажников стахановского движения. Увольнялись с работы и отдавались под суд как «саботажники» и «консерваторы» инженерно-технические работники цехов и опытные мастера, выступавшие против «стахановской революции». Как показывает анализ уральских архивно-следственных дел, обвинения в дезорганизации стахановского движения встречались довольно часто. Вот типичные примеры. В протоколе заседания Бюро Свердловского обкома ВКП(б) от 19 ноября 1935 г. зафиксировало: «На заводе № 76 злостные саботажники стахановского движения расстраивают станки стахановцев, срывают снабжение инструментами и, под видом разделения операции, снижают расценки, повышают нормы стахановцев... Технический директор вместо борьбы с саботажниками сам встал на путь открытого сопротивления стахановскому движению» [10, с. 172]. Сменный техник шахты Н. П. Власов в ноябре 1935 г. был осужден на 8 лет лишения свободы за саботаж, только за то, что «свои обязанности выполнял по казенному и техническую помощь оказывал только тогда, когда рабочие этой помощи начинали от него требовать» [Там же].

В условиях, когда партийные комитеты всех уровней срочно принимали меры по распространению стахановского опыта на всех предприятиях и участках горных работ, выполняя задачи, поставленные в октябре 1935 г. Свердловским обкомом партии, администрация и инженерно-технические работники предприятий Урала оказались в непростой ситуации. С одной стороны, они, доказывая лояльность властям и политическую благонадежность, должны были не просто поддерживать, но и организовывать стахановские рекорды. С другой, они не могли не понимать и не видеть, что рекорды могут привести к росту эксплуатации рабочей силы, к снижению качественных показателей и к увеличению аварийности, что вскоре и обнаружилось. Например, в Кизеле число аварий возросло в 1935 г. с 19 в сентябре до 34 в октябре. Тех руководителей, которые не сумели быстро сориентироваться в обстановке, обвинили в саботаже стахановского движения. «Саботажников» выявили на Соликамском калийном, шахте им. Сталина «Кизелугля» и др. Среди арестованных были как

рядовые работники – техник, бурильщик, так и выдвинутые-управленцы – начальник цеха, главный механик, главный бухгалтер и т.п. [5, д. 8144, 12841; 6, д. 26167].

Подчеркнем, что даже специалисты, получившие подготовку в условиях советского строя, имевшие партийные билеты, т.е. кадры, причислявшиеся к «нашим», не могли чувствовать себя в безопасности. Угроза обвинения во вредительстве и в саботаже возникала всякий раз, когда необходимо было выполнять план и поступающие сверху установки. Так, среди жертв режима оказался инженер строймонтажного участка завода № 98, куратор строящегося цеха нитроглицериновых порохов С. Ф. Зубов. В июне 1935 г. цех был законсервирован, необходимо было откорректировать проект, произвести замену деревянных конструкций на огнестойкие. Но строительный сезон 1935 г. был сорван – поступило указание «до переделки проектов строительства прекратить». По причине отсутствия рабочей силы и стройматериалов работы не производились. Зубова обвинили в том, что «умышленно законсервировал строительство», и приговорили к 10 годам лишения свободы [5, д. 14567, л. 18]. Данный пример не единственный. Инженеры часто обвинялись в «простом оборудовании», «отсутствии механизмов», «неправильном распределении работников» и т.п. В свою защиту обвиняемые отмечали «отсутствие рабочей силы, средств, оборудования, кредитов для приобретения механизмов» [Там же, л. 16]. Несмотря на подобные аргументы, специалистов чаще всего карали лишением свободы на срок от 3 до 10 лет по ст. 58-7 УК РСФСР. Всего в Пермском крае в 1934-1936 гг. было арестовано более 100 человек по обвинению в саботаже, из них к уголовной ответственности привлечено 48 человек [3].

Образ стахановца, равно как и образ саботажника стахановского движения, довольно быстро были мифологизированы и сакрализованы. «Стахановец» в отражении советской пропаганды, разумеется, воплощал лучшие черты советского работника. «Саботирующим стахановское движение», тем же естественным для советских идеологов образом, приписали всевозможные зловещие черты, характерные для «врагов народа».

Сомневающиеся в целесообразности стахановских рекордов без особого труда добавляли обвинения в троцкизме (неверие в построение социализма в одной стране), в правом уклоне (планирование реставрации капитализма) или во вредительстве (последнее касалось, в основном, «буржуазных специалистов»). Сомневающимися незамедлительно интересовались соответствующие органы.

Сакральный характер стахановского движения хорошо чувствовали сотрудники карательных органов, вписывая саботаж стахановского движения или убийства стахановцев в один ряд с обвинениями в других вымышленных ими чудовищных преступлениях. Так, в фантастическом сценарии штурма Перми повстанческими отрядами, выдуманном пермскими и свердловскими следователями, троцкистам-террористам, в роли которых были вполне реальные люди, приписывалось намерение не только устроить диверсии на железных дорогах, взорвать оборонные заводы и т.п., но и перестрелять стахановцев [1, с. 33].

Заметим, что сами чекисты никакого пиетета перед стахановцами не испытывали. Об этом сохранились красноречивые показания сотрудника Тагильского горотдела НКВД М. Г. Зайцева, который свидетельствовал, что после того, как начальник Свердловского УНКВД Д. М. Дмитриев потребовал от следственных бригад любой ценой найти списки участников повстанческих формирований, в Кудымкаре в кабинете арестованного секретаря ВКП(б) «...нашли список стахановцев, принудили этого секретаря дать показания, что это список участников организации, потом всех этих стахановцев посадили, а затем, как повстанцев, расстреляли» [Там же, с. 33-34].

Таким образом, культивируемое советским политическим руководством стахановское движение помогло ему решать задачи индустриализации страны за счет эксплуатации трудового энтузиазма части трудящихся. Недовольство, вызванное рядом порожденных движением диспропорций и несоразмерностей, подавлялось универсальным для режима способом – репрессиями. Репрессии, направляемые против дезорганизаторов стахановского движения, обрушивались как на реальных его критиков (часть рабочих, недовольных повышением норм выработки и т.п., часть технической интеллигенции, недовольной нарушением технологий и дезорганизацией производства), так и на мифических врагов. Образ вымышленного саботажника стахановского движения становился необходимой частью транслируемой обществу мировоззренческой картины, где всё официально святое стремились разрушить вездесущие коварные враги. Поэтому освящение идеологами сталинского режима стахановского движения требовало поиска соответствующего врага. Эту задачу решали как идеологические, так и карательные органы.

Список литературы

1. Лейбович О. Л. Кулацкая операция на территории Прикамья в 1937-1938 гг. // «...Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-38 гг. Пермь, 2006.
2. Мартианов В. Е. Роль органов НКВД и НКЮ в осуществлении надзора за народным хозяйством СССР на местах в 1930-е годы // Проблемы истории массовых репрессий в СССР: материалы 1-й научно-практической конференции. Краснодар, 2003.
3. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). База данных «Репрессированные».
4. ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1.
5. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1.
6. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1.
7. Рубинштейн М. Новые формы стахановского движения. М., 1940.
8. Слезин А. А. Комсомольский трагифарс под аплодисменты Сталину // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12. № 2. С. 520-530.
9. Стецуря Ю. А. Революционный пафос и трагизм поколения 20-30-х гг. Екатеринбург – Пермь, 1995.
10. Терехов В. С. Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е гг. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997.

STAKHANOVISM SABOTEUR AS “ENEMY OF PEOPLE”**Suslov Andrei Borisovich**, Doctor in History, Associate Professor**Shilova Irina Sergeevna***Perm' State Pedagogical University**absuslov@gmail.com; shilkoprad@yandex.ru*

The article considers the use of the image of the Stakhanovism disorganizer among other images of “the enemies of the Soviet people” in the second half of the 1930s. The reasons of workers and intellectuals’ discontent with Stakhanovism are analyzed. The organization of repressions against the real opponents of Stakhanovism and mythical enemies is revealed. It is proved that the image of the fictitious saboteur of Stakhanovism became an essential part of the world outlook transmitted to the society.

Key words and phrases: Stakhanovism; image of enemy; Stalinism; industrialization; workers; engineering intelligentsia; repressions.

УДК 625.1(470.62)

Исторические науки и археология

В статье рассмотрена история создания и деятельности акционерного общества «Ейская железная дорога» (1908-1920). Показана роль в его учреждении и функционировании главы Ейска В. В. Ненашева. На основе Устава общества изучены его структура, состав и обязанности членов правления, цели. Выяснены итоги и эффективность деятельности акционерного общества, определена роль Ейской железной дороги в развитии экономики Кубани в начале XX в.

Ключевые слова и фразы: Кубанская область; железнодорожный транспорт; акционерные общества; Владикавказская железная дорога; Ейская железная дорога; Ейский морской порт; торговля хлебом.

Темляков Владимир Евгеньевич*Кубанский государственный технологический университет**oa@gazstroy.com***АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «ЕЙСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, СТРУКТУРА, ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ©**

В современной России происходит процесс развития рыночной экономики. Железнодорожный транспорт играет в ней важную роль, объединяя регионы страны и обеспечивая ее устойчивую жизнедеятельность и реализацию ряда социально-экономических программ. Функционирование такого многоотраслевого хозяйства, каким является железнодорожный транспорт, достигается не только напряженным трудом железнодорожников, но и созданной ранее материально-технической базой отрасли, применением современных технологий и методов управления, эффективной системой подготовки кадров. Одним из структурных элементов Российских железных дорог (РЖД) является железнодорожная сеть Юга России – Северо-Кавказская железная дорога (СКЖД).

Транспортная сеть Южного региона стала создаваться в пореформенный период. В 1872 г. акционерное общество «Владикавказская железная дорога» начало строительство железной дороги Ростов – Владикавказ, которое диктовалось объективной необходимостью капиталистического развития, уникальностью и стратегической важностью Южного региона России. К тому времени в России было проложено более 23 тыс. верст рельсов, а к началу XX в. наша страна занимала по протяженности железных дорог 2-е место в мире после США [1, с. 11-12].

Для строительства железной дороги от Ростова до Владикавказа в 1870-1871 гг. были проведены изыскания по четырём вариантам направлений: через Пятигорск, через Ставрополь, южнее Ставрополя, по долинам рек Кубань и Терек. Из этих вариантов одобрен был последний. В 1875 г. трасса прошла по равнинной местности через плодородные районы Кубани, а ее последний участок – по предгорьям Кавказа. В 1880-е гг. акционерное общество «Владикавказская железная дорога» пустило в эксплуатацию новые железнодорожные линии по территории Кубани. Однако возможностей Владикавказской железной дороги для перевозки грузов не хватало, поскольку ряд богатых хлебом районов Кубани находился в стороне от нее [8, с. 7-10].

Без железнодорожного сообщения остался и Ейск. Портовый город Ейск, расположенный на восточном берегу Азовского моря, предназначался для сбыта в другие регионы страны и за границу сельхозпродукции Черноморской и Ставропольской губерний. По сути, он детерминировал развитие в крае многих отраслей хозяйства. В 1850-1860-е гг. на берегу мелководного Ейского лимана были построены деревянные причалы. В 1854 г. вывоз хлебных грузов за границу через Ейский порт составил 350 тыс. пудов, семян льна – 120 тыс. пудов. Экспортируя, в основном, кубанское зерно до 20 млн пудов в год, Ейский порт играл